

УДК 93/94:929:2-725

Последний муфтий Российской империи Сафа Баязитов

Д. М. Усманова,

*Казанский федеральный университет,
г. Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация*

Safa Bayazitov, the last Mufti of the Russian Empire

D. M. Usmanova,

*Kazan Federal University,
Kazan, the Republic of Tatarstan,
the Russian Federation*

Аннотация

В статье рассматривается биография известного религиозного и общественного деятеля, последнего дореволюционного муфтия, председателя Оренбургского магометанского духовного собрания Мухаммеда-Сафы Баязитова (1877-1937). В его биографии можно выделить несколько этапов, в которых как в капле воды отражена эпоха. Период до 1905-1906 гг., связанный с учебной и взрослением, документально зафиксирован слабо, а потому изучен и известен недостаточно. Следующий важный этап – 1906-1911 гг. – это время, когда молодой имам находился в тени своего отца, столичного ахуна Атауллы Баязитова, помогая ему в религиозных и издательских делах. На 1913-1916 гг. приходится взлет его персональной карьеры – это период наибольшей публичной активности и бюрократического роста, заключавшихся в инициировании создания мусульманской консервативной партии и назначении на должность муфтия Оренбургского магометанского духовного собрания. Далее следуют переломные 1917-1918 гг. – время падения с «общественного олимпа» и приспособления к новой политической реальности. Наконец, на заключительном этапе, в советский период его жизни (1920-1930-е гг.) мы можем отметить стремление к общественному приспособлению и физическому выживанию в условиях ужесточения антирелигиозных кампаний и репрессий со стороны тоталитарного государства. По сути жизненный путь М.-С. Баязитова представляет собой нерядовую судьбу довольно заурядного человека в переломную для страны эпоху.

Abstract

The article deals with the biography of the famous religious and public figure, the last pre-revolutionary mufti, Head of the Orenburg Muslim Spiritual Assembly, Mukhammed-Safa Bayazitov (1877-1937). His personal and public biography, which is a reflection of his time, is divided into several periods. The period of studying and growing up (before 1905-1906) is poorly documented and therefore is worst studied. The next important period is 1906-1911.

At that time, the young imam remained in the shadow of his father Ataulla Bayazitov helping akhun in his religious and publishing activities. In 1913-1916 his career gained traction. That was the period of the most intensive public activity and bureaucratic growth. Bayazitov initiated the creation of the Muslim conservative party “Sirat al-Mustaqim” and was appointed Mufti of the Orenburg Muslim Spiritual Assembly. Then followed the watershed mark in 1917-1918 with the “fall from the social Olympus” and the forced adaptation to a new political reality. At the final stage of his biography, during the Soviet period of his life (1920-1930), one can note a desire for social adaptation and even physical survival in the context of tightening of anti-religious campaigns and repressions on the part of the totalitarian state. Safa Bayazitov was killed in 1937 like many other religious figures of that time. His biography represents the extraordinary fate of an ordinary person in a turning point of Russian history.

Ключевые слова

Мухаммед-Сафа Баязитов, Оренбургское магометанское духовное собрание, муфтий, партия «Сират аль-Мустахим», репрессии 1930-х гг.

Keywords

Mukhammed-Safa Bayazitov, the Orenburg Muslim Spiritual Assembly, mufti, “Sirat al-Mustaqim” party, repressions of the 1930s.

Статья посвящена политической биографии религиозного и общественно-го деятеля, председателя Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) Мухаммеда-Сафы Атаулловича Баязитова (11.12.1877, Санкт-Петербург – 26.12.1937, Казань). В должности последнего дореволюционного муфтия Сафа Баязитов находился менее двух лет – в 1915-1917 гг. Само его избрание на этот очень желанный и почетный в глазах рядовых представителей мусульманской уммы, но в реальности маловлиятельный в рамках имперской бюрократии пост сопровождалось бурным общественным возмущением и конфликтами. Не меньшими скандалами сопровождалось его снятие с этой должности.

Несмотря на относительно высокий социальный статус в мусульманском сообществе позднеимперской России, Сафа Баязитов долгое время был обделен вниманием отечественной историографии. В советское время в рамках антирелигиозной политики интерес к духовному лицу со шлейфом скандальной биографии был практически нулевым. Трагическая гибель в годы сталинских репрессий 1930-х гг. вообще сделала эту личность наряду с другими табуированной темой. Когда в постперестроечный период (1990-2000-е гг.) внимание многих исследователей было обращено к религиозным реформаторам, джадидистам и либералам, которым была посвящена большая часть исследований истории «татарского ренессанса» начала XX столетия, Сафа Баязитов логичным образом оказался на обочине историографического тренда. Преобладавшее среди прогрессистов негативное отношение к личности Сафы Баязитова также не способствовало росту интереса к его судьбе. Современная литература о нем довольно лаконична и однотипна. Персона последнего дореволюционного муфтия упоминается, в основном, в ряду других руководителей ОМДС¹.

Даже «правый поворот» рубежа 2000-2010-х гг., когда тема «мусульманского консерватизма» становится модной и появляются работы, призванные отчасти «реабилитировать» традиционалистов в общественном дискурсе, Сафа Баязитов оказался вне основного внимания. Будучи ключевой персоной мусульманского

консерватизма, он, казалось, не тянул на статус «идеолога кадимизма», поскольку не оставил большого интеллектуального наследия (пусть даже сомнительного качества, как Ишми-ишан²) и вообще до поры, до времени не был активен в публичном пространстве.

В персональной биографии М.-С. Баязитова до сих пор остается довольно много белых пятен и непроясненных моментов. Вероятно, эти историографические лакуны вызваны не только довольно противоречивой репутацией и неоднозначным отношением к нему значительной части т.н. «прогрессивной общественности», но также ограниченностью источниковой базы. Документы личного происхождения в основной массе погибли вместе с их владельцами, а материалы следственных дел до сих пор, несмотря на истечение срока давности, остаются вне зоны свободного циркулирования в научной среде³. Общественная же сфера в тоталитарной системе была чрезвычайно искажена, что наиболее ярко проявилось в периодической печати советского периода. Поэтому советский период в жизни Сафы Баязитова изучен недостаточно и может быть описан лишь в общих чертах. Впрочем, это характерно для большинства деятелей советской эпохи, особенно периода становления тоталитарной системы, которая, проявляя нетерпимость к любой инаковости, значительно повлияла на достоверность, полноту и репрезентативность источников, отложившихся в государственных архивах (как официальных документов, так и источников частного происхождения).

Признавая, что муфтию Мухаммеду-Сафе Баязитову посвящено ограниченное количество публикаций, преимущественно кратких биографий энциклопедического характера⁴, обращение к его общественно-политической биографии в данной статье продиктовано не только этим историографическим дефицитом. Данная статья не претендует на переоценку его личности или своеобразную «реабилитацию». Скорее, нам хотелось бы вписать описание его жизненного пути и основных направлений общественной деятельности в исторический контекст, показав, что герой данного повествования оказался трагической жертвой обстоятельств и радикально меняющейся эпохи. В этом кардинальном несоответствии посредственной личности, неадекватных амбиций и неумных поступков Сафы Баязитова сложной эпохе, с ее кардинальными изменениями общественных настроений и острыми вызовами, заключались и вина, и беда нашего «героя». Но в целом его жизнь, полная общественных взлетов и падений, оказалась весьма трагичной, как трагична была судьба целого поколения «лишенцев» и «бывших» в Советской России 1930-х гг.

Молодой Сафа Баязитов: вехи биографии

Мухаммад-Сафа (Сафа) Баязитов родился в семье известного петербургского ахуна Атауаллы (Гатауаллы) Баязитова (1846-1911) в декабре 1877 г. О ранних годах его жизни информация практически отсутствует. С собственных его слов известно, что некоторое время он обучался в медресе «Мухаммадия» (г. Казань), где получил основные познания в области мусульманской догматики и юриспруденции.

Будучи уже довольно великовозрастным юношей, он три года (1900-1903 гг.) проучился в гимназии Гуревича (г. Санкт-Петербург), которую завершил с аттестатом зрелости⁵. В том же 1903 г. Сафа Баязитов поступил на арабо-персидско-турецкое отделение восточного факультета Санкт-Петербургского университета, где числился студентом в течение восьми семестров. Но учился он крайне нестабильно и с большими перерывами. В 1910 и 1911 гг. дважды отчислся из числа студентов за несвоевременное внесение платы за обучение. В итоге, за весь длительный срок

обучения, растянувшегося формально более чем на десять лет, он сумел сдать лишь один экзамен и несколько зачетных сочинений.

Возможно, такая нестабильность объяснялась тем, что Сафа Баязитов поступил в университет довольно взрослым мужчиной, к тому же обремененным семьей. В том же 1903 г., накануне поступления в университет, он женился на дочери купца, потомственного почетного гражданина Зудейхе Рахматулловне Халитовой. В этом браке у него родились три дочери – Лейла (р. 17.06.1904), Валида (р. 19.04.1906) и Сара (р. 02.08.1910). Видно, что дочери родились в те годы, когда Сафа Баязитов формально все еще числился студентом. Чуть позднее на свет появились два сына: Искандер (р. 16.04.1913) и Саид-Мухаммад (р. 24.01.1916)⁶. Но между рождениями сыновей, в декабре 1914 г., так и не окончив полного университетского курса, Сафа Баязитов забрал свои документы из университета⁷.

По российским законам, любой мусульманин мог претендовать на должность имама лишь по достижению 22-летнего возраста и после сдачи соответствующих экзаменов в ОМДС. Другим условием было решение прихожан того или иного прихода. Учитывая авторитет ахуна Атауллы Баязитова среди касимовских татар, составлявших большинство во 2-м приходе, получить такое согласие прихожан было делом техники. Поэтому уже в начале XX столетия молодой Сафа Баязитов стал исполнять обязанности второго имама 2-го мусульманского (касимовского) прихода, помогая своему отцу в богослужебных делах. А после смерти Атауллы Баязитова, как его сын и помощник, опять же по обычаю, унаследовал место главного имама 2-го прихода г. Санкт-Петербург (1911-1915 гг.)⁸. Через некоторое время после начала Первой мировой войны Мухаммед-Сафа Баязитов был назначен военным ахуном Петроградского военного округа (приказ по 6-й армии от 26 мая 1915 г.)⁹.

Одновременно, накануне революции 1905-1907 гг. он начинает преподавать мусульманское вероучение в столичных военно-учебных заведениях (Пажеский корпус, Николаевское военное училище и др.) и исполнять обязанности переводчика при Азиатском департаменте МИДа. В 1913 г. он «имел счастье представиться Государю императору» по случаю 300-летия Дома Романовых, а в 1914 г. участвовал в совещании при МВД по мусульманскому вопросу. Приглашение на совещание не было случайным, так как до этого молодой имам неоднократно привлекался Департаментом духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ МВД) к экспертизе разных дел по мусульманским вопросам. При жизни отца, ахуна Атауллы Баязитова, это происходило периодически, а после смерти последнего

С. Баязитов с супругой.

S. Bayazitov with his wife.

Сафа Баязитов стал консультантом ДДДИИ на постоянной основе. В рекомендательных документах, собранных при назначении Сафы Баязитова на должность оренбургского муфтия, особо подчеркивалось, что он состоит консультантом «по шариатским вопросам» и, в частности, участвовал в составлении практических и теоретических комментариев к соответствующим статьям гражданского уложения (Св. Законов, т. X, ч. 1)¹⁰. Также молодой имам сотрудничал с Главным управлением по делам печати и столичным цензурным комитетом при МВД по вопросу о переводе и экспертизе материалов татарской прессы.

О повседневной жизни, пристрастиях и увлечениях Сафы Баязитова известно немного. В этом отношении характерно замечание Габдуллы Тукая, весной 1912 г. гостившего пару недель в Санкт-Петербурге. В столицу Г. Тукай приехал по приглашению Мусы Бигиева с целью участия в нереализованном проекте издания новой татарской газеты. Побывший в гостях у столичного ахуна Габдулла Тукай вспоминал о его увлечении музыкой: «Только у Сафы-эфенди я получил удовольствие. У него есть граммофон, на полу вплоть до потолка сложена гора дорогих пластинок. Разные арии. Все знаменитые певцы и певицы. Мы крутили пластинки и слушали до усталости. Сафа эфенди перед тем, как поставить пластинку, рассказывал об исполняемом произведении. Он оказался большим знатоком музыки...»¹¹. По словам Габдуллы Тукая, несколько дней, проведенных как в редакции газеты «Нур» (Свет), так и в доме Сафы Баязитова, оставили самые приятные воспоминания, а знакомство с богатой коллекцией пластинок открыло совершенно новый музыкальный мир. Других свидетельств об увлечениях молодого имама найти не удалось.

До 1903 г. Мухаммед-Сафа жил в семье родителей на Набережной реки Мойки, д. 22. После женитьбы, особенно после рождения детей, молодая семья стала проживать отдельно на съемной квартире по адресу 6-я Рождественская улица, д. 7¹². Здесь же, в одном из соседних домов располагалась редакция газеты «Нур». После смерти Атауллы Баязитова (апрель 1911 г.) Мухаммед-Сафа делил время между этими двумя квартирами: в первой по-прежнему проживали члены его большой семьи. В родительской же квартире (на набережной Мойки) он также бывал регулярно, поскольку в здании по соседству продолжали проходить все богослужения для членов 2-го мусульманского прихода г. Санкт-Петербурга, а также в ряде помещений размещалась небольшая приходская мусульманская школа¹³.

25 января 1914 г. Сафа Баязитов приобрел в собственность небольшой участок в 450 кв. сажен и два деревянных дома в т. н. Новой Деревне на берегу Большой Невки в пригороде Санкт-Петербурга¹⁴. В Советское время эти загородные дома-дачи¹⁵ стали основным приютом для большой семьи Баязитовых.

Репутация Мухаммед-Сафы Баязитова в татарских общественно-политических кругах в 1905-1915 гг.

Помимо обязанностей соруководителя мусульманского прихода и сотрудника ряда государственных учреждений (консультант ДДДИИ, вероучитель в военных заведениях, переводчик в ГУП МВД и АД МИД), еще при жизни отца Мухаммед-Сафа выступал основным его помощником во всех общественных делах, включая членство в комиссии по постройке Санкт-Петербургской соборной мечети.

Важной сферой его деятельности была работа в газете «Нур». Практически с самого начала издания газеты в 1905 г. Сафа Баязитов выступал соредактором, а после смерти отца он стал ее единственным официальным издателем-редактором (1911-1914). В 1910-х гг. газета печаталась в собственной типографии,

Газета «Нур».

"Nur" newspaper.

расположенной недалеко от квартиры Сафы Баязитова по адресу: 7-я Рождественская улица, д. 2¹⁶. Издание еще при жизни основателя имело весьма противоречивую репутацию, чрезвычайно небольшой тираж (в основном в районе 500 экземпляров), ограниченный круг подписчиков, но значительную поддержку столичных властей.

Например, газета «Нур» являлась единственным из татарских изданий, которое, благодаря столичному расположению и административным связям, получило право иметь своего корреспондента в Таврическом дворце для освещения деятельности российского парламента. Согласно официальным документам, в частности издаваемому думской канцелярией справочнику, в 1909-1913 гг. газета «Нур» имела официальную аккредитацию в Таврическом дворце, а ее представитель должен был быть обеспечен местом в ложе парламентских корреспондентов¹⁷.

Однако, газета «Нур» не входила в число ведущих и наиболее влиятельных татарских изданий, определяющих доминирующий в мусульманском сообществе России парламентский дискурс. Очевидно, что газета ориентировалась на духовных лиц (имамов и муэдзинов), а также немногочисленную столичную татарскую общину, состоявшую по большей части из торговцев, буфетчиков и иных представителей «сферы обслуживания». Эта разнородность потенциальных читателей определяла и двойственный характер самого издания, отличавшегося как консерватизмом

политической позиции, так и наличием материалов для невзыскательной публики. Даже несмотря на участие в издании многих известных общественных деятелей, а также молодежи¹⁸, среди «прогрессивной мусульманской общественности» газета не пользовалась широкой популярностью и часто подвергалась критическим нападениям. Вероятно, и по этой причине Сафа Баязитов не был слишком активным в публичном пространстве и не пользовался в полной мере теми возможностями, которые предоставляла пресса в то время. Обладая мощным медийным ресурсом, он не смог использовать печатное слово для прироста собственного символического капитала и общественного влияния.

В период первой русской революции и особенно в межреволюционные годы (1907-1916 гг.) татарская община г. Санкт-Петербурга, как и многие городские мусульманские общины, была расколота на враждующие группировки. Эти расколы базировались как на сложных межличностных взаимоотношениях, так и в значительной степени на непримиримости политических позиций, различиях в оценке будущего и перспектив нации, разделявших мусульманскую общественность на «прогрессистов» и «традиционалистов». Иногда эти понятия отождествляют с «джадидизмом» и «кадимизмом», что в целом верно, но в частности не тождественно. Частью противостояния враждующих группировок были пикировка и выпады в печати, взаимное игнорирование и непризнание, а порой острые публичные конфликты, доходившие до состояния «войны» (ярким примером последнего, является весьма некрасивый скандал вокруг выборов в Санкт-Петербургское мусульманское благотворительное общество, состоявшихся в январе 1910 г.). Т. н. «прогрессистская» партия в столице была представлена такими деятелями, как Захид Шамиль, Муса Бигиев, имам Лотфулла Исхаков и др. К ним традиционно примыкали многие члены мусульманской фракции, а также немногочисленная татарская студенческая молодежь. Т. н. «консервативную» партию возглавляли представители духовенства, включая Атаулла и Сафу Баязитовых, а также торговцы и мещане разного уровня (Ф. Байрашев, Х. Ялышев и др.). Конечно, такое деление весьма условно и трафаретно, не всегда учитывает межличностные отношения и конкретную ситуацию, но наличие враждующих между собой группировок не вызывает сомнения¹⁹. Сафа Баязитов был олицетворением «консервативной партии» среди столичных мусульман.

Таким образом, уже в начале 1910-х гг. Сафа Баязитов имел репутацию консерватора и даже черносотенца. Его активные контакты и приятельские отношения со столичным купцом Фатыхом Байрашевым и молодым имамом из башкирской глубинки Мухаммедом-Габдулхаем Курбангалиевым (1889-1972) также способствовали закреплению этого негативного имиджа в глазах прогрессистской общественности. Впрочем, сложно сказать, обладал ли Сафа Баязитов каким-либо цельным мировоззрением и более-менее устойчивым политическим кредо. Сотрудниками ДДДИИ М.-С. Баязитов характеризовался как верный слуга Отечества, «искренне преданный Престолу и Родине», стойко и неизменно выступающий против левых и националистических течений в мусульманском сообществе, в целом «вполне русское, чуждое фанатизма лицо»²⁰. Да и сам он постоянно демонстрировал и подчеркивал свою лояльность и преданность престолу. Вероятно, это стремление быть поближе к власти и составляло основу его политической позиции.

Одна из важных лоялистских акций Сафы Баязитова была связана с инициативой учреждения консервативной мусульманской партии. На рубеже 1913-1914 гг. он выступил одним из инициаторов создания мусульманской партии

«Сират аль-Мустахим» (Прямой путь). Можно согласиться с мнением С. Исхакова, что устоявшаяся в литературе оценка «Сират аль-Мустахим» как черносотенной организации нуждается в существенной корректировке, поскольку корни этого ярлыка уходят в политическое противостояние внутри мусульманского сообщества начала XX в. Но для нас важна не столько основная интенция, побудившая ряд консервативно ориентированных деятелей выступить с подобной инициативой, сколько реакция общества на эту инициативу. Литература об образовании и деятельности этого консервативного объединения немногочисленна, поскольку в целом умеренные круги в мусульманском сообществе редко оказывались в центре внимания исследователей²¹. Другая причина слабого внимания – провальность данного проекта.

История возникновения союза вкратце такова. В ноябре 1913 г. в ДДДИИ поступило прошение об учреждении Всероссийского мусульманского народного союза «Сират аль-Мустахим», подписанное коммерсантом Фатыхом Байрашевым, ахуном Сафой Баязитовым, троицким ахуном Ахмадом-хаджи Рахманкуловым и почетным гражданином Хабибуллой Ялышевым²². Первоначальный вариант устава подписали все четверо инициаторов. Однако прежде чем прошению был дан законный ход, началось согласование устава в ведомствах.

По мнению ряда исследователей, автором текста устава был столичный правовед и профессор Училища правоведения Б. В. Никольский, который, будучи членом «Русского собрания», использовал прежние свои наработки. Судя по дневниковым записям последнего, работа над текстом устава шла с перерывами в июне-августе 1913 г.²³ Впрочем, в начале XX столетия существовали разработанные и утвержденные МВД образцы уставов и иные программные документы для благотворительных, культурно-просветительских и других подобных учреждений. Зачастую при составлении уставных документов использовался такой шаблон с небольшими модификациями в соответствии с конкретным случаем. Поэтому уставы большинства организаций имеют много идентичных положений. Впрочем, и обращение мусульман при составлении правовых документов к русскоязычным юристам или переписчикам было обычным явлением.

Важно, что в архиве осталось много свидетельств того, как в конце 1913 – начале 1914 г. чиновник особых поручений ДДДИИ Г. Н. Тарановский вел регулярные переговоры по изменению отдельных статей и параграфов устава, сам вносил необходимые правки и изменения. Сохранившиеся в архиве различные варианты документа с бюрократическими пометками свидетельствуют, что разработанный проект фактически стал детищем совместного «чиновничье-мусульманского» творчества. К 17 января 1914 г. переговоры с ходатаями и редактирование устава были завершены. 23-24 января Фатых Байрашев и Сафа Баязитов подписали окончательный вариант проекта устава, тогда как остальные инициаторы отсутствовали в столице.

Согласно уставу, партия ставила своей целью «объединение всех русских мусульман для изучения мусульманства в его прошлом и настоящем, просвещения и всестороннего поднятия благосостояния единоверцев на почве строгой законности, верности Монарху, единства и целостности России». Верность монарху понималась как верноподданничество, подкрепленное ссылками на Коран. По замыслу учредителей, появление союза «Сират аль-Мустахим» должно было сплотить консервативную часть мусульман, с целью противодействия реформаторскому течению в мусульманской умме. Деятельность союза предполагалось распространить на всю территорию Российской империи, за исключением губерний и областей

Великого княжества Финляндского, Наместничества Кавказского, Туркестанского генерал-губернаторства, Привислинского края (кроме г. Варшавы), а также Амурской, Камчатской, Приморской, Сахалинской и Якутской областей. Всеми делами союза должен был ведать Главный совет, состоящий из 12 членов. Для работы в отдельных направлениях общее собрание планировало выбирать исполнительные комиссии. В практической деятельности союз ставил широкий круг задач. В религиозной сфере предполагалась организация хаджа, содействие в сооружении мечетей; в сфере образования и просвещения – открытие общеобразовательных и профессиональных низших и средних учебных заведений, руководство национальными мектебе и медресе, организация библиотек, издательство книг. Для нуждающихся мусульман предполагалось оказывать самую разнообразную благотворительную помощь, в том числе и медицинскую. Таким образом, создаваемая организация носила не политический характер, хотя и именовалась в литературе часто партией, но в первую очередь планировалась как культурно-просветительский и благотворительный союз консервативно-настроенных мусульман²⁴.

После предварительного согласования учредительных документов, делу был дан дальнейший ход, принятый в бюрократических верхах: началась переписка между ДДДИИ и различными ведомствами на предмет желательности создания новой мусульманской организации. Свои мнения прислали уфимский, казанский, иркутский губернаторы, донской атаман и киевский генерал-губернатор. Соответствующие отзывы поступили также из Министерства народного просвещения и Департамента полиции. Отзывы, за исключением мнения Департамента полиции, были отрицательными. Наиболее обстоятельным был отзыв уфимского губернатора П. Балашова, полагавшего, что объединение всех мусульман России «во вне фактического контроля Правительства находящийся союз представляется мне опасным, с точки зрения политической, и бесполезным, с точки зрения религиозной и экономической. Создается легализованный всероссийский панисламизм, который свои директивы получает от Главного совета, диктаторски управляющего из Петербурга мусульманами, быт которых в разных местностях России чрезвычайно разнообразен»²⁵. Общий вывод был вполне однозначен: какое бы доверие ни вызывали на данном этапе учредители союза, в дальнейшем в него легко могут проникнуть «волки в шкурах агнцев». Отзыв казанского губернатора также был категоричен: от этой затеи один вред²⁶.

Тем не менее, одно положительное мнение Департамента полиции перевесило все аргументы «против» и «Сират аль-Мустахим» был официально зарегистрирован. Эта новость была встречена шквалом негативных статей в татарской прессе, воспринявших этот Союз как правительственную провокацию с целью разобщения мусульманского политического движения. Протест членов мусульманской фракции (К.-М. Тевкелева, И. Ахтямова, М.-Ю. Джафарова) и представителей мусульманской общественности против подобной партии под весьма однозначным названием «Проходимцы» был перепечатан в большинстве татарских газет²⁷.

Впрочем, реальное существование этой консервативной организации, по сути, ограничилось лишь бурными дискуссиями в виртуальном пространстве татарской прессы. Несмотря на официальную легализацию, организаторы «Сират аль-Мустахим» не предприняли никаких конкретных действий. Вероятно, реальная социальная поддержка их была минимальной. К тому же, волна многочисленных протестов немного охладила пыл и у кураторов из правительственных кругов. Примечательно, что с назначением Сафы Баязитова главой ОМДС, позиции

консервативных кругов российского мусульманства институционально упрочились, но это же означало конец проекта правоконсервативной мусульманской партии как малоэффективной и опасной затеи. Без поддержки сверху и при тотальной обструкции снизу, вся затея с консервативной мусульманской политической партией оказалась мертворожденной. Однако эта инициатива не только усугубила и без того шаткое общественное положение Сафы Баязитова, но и аукнется в будущем еще не раз в его профессиональной и личной судьбе.

С началом Первой мировой войны, и особенно с вступлением в войну Османской империи, Сафа Баязитов стал привлекаться для проведения пропагандистских акций как среди мусульман, так и в отношении исламского окружения России²⁸. В феврале 1915 г., в ответ на просьбу русского посланника в Турции А. Смирнова сообщить «сведения об истинном положении русских мусульман для распространения их среди зарубежных мусульман», М.-С. Баязитов дал развернутое описание настроений, царивших среди мусульман империи²⁹. В своем ответе М.-С. Баязитов описывал ситуацию с положением российских мусульман как совершенно идиллическую, что якобы свидетельствует о полной религиозной свободе для мусульманских подданных, а потому российские мусульмане «чувствуют себя прекрасно и сражаются с врагами России наравне с другими народностями страны». Этот отзыв, составленный с опорой на официальные сведения и статистику, полученную из АДДИИ, должен был использоваться в дальнейшей пропагандистской войне против влияния Османской империи.

Сафа Баязитов – председатель ОМДС (1915-1917)

12 июня 1915 г., после продолжительной и тяжелой болезни, скончался муфтий хаджи Мухамедьяр Султанов (1837-1915), и встал вопрос о новом главе ОМДС. Пожалуй, ни одно из назначений нового муфтия не вызывало такой бурной реакции, как выбор преемника покойного муфтия в начале XX столетия. То, как происходило обсуждение кандидатуры нового главы духовного собрания, какие варианты предлагались и какова была реакция большей части общественности после рокового выбора, сделанного верховной властью – все это свидетельствовало о необычайной остроте проблемы главы духовного собрания для мусульманской уммы³⁰. Начиная с 1905 г. вопрос о выборности муфтия и о наиболее желательной фигуре поднимался в общественном дискурсе мусульман неоднократно. К тому же, Мухамедьяр Султанов, долгие годы тяжело болевший, сам высказывал пожелания добровольной отставки. Однако власти вполне удовлетворяло нахождение в должности муфтия пожилого и глубоко больного человека, что обеспечивало его бездеятельность и управляемость. Чем очевиднее был скорый конец, тем чаще поднимался вопрос об этичности публичного обсуждения реальных кандидатур при живом, но дряхлом главе ОМДС.

После приличествующих по случаю скорби траурных мероприятий, на седьмой день, т. е. уже 19-20 июня, общественность оживилась: с разрешения губернатора, уфимские мусульмане провели собрание, которое постановило обратиться к верховному правителю и министру внутренних дел с телеграммами. Помимо традиционных выражений верноподданнических чувств, уфимские мусульмане просили при назначении нового оренбургского муфтия принять во внимание и пожелания мусульман³¹. 12 июля телеграмма практически аналогичного содержания была одобрена собранием мусульманского духовенства г. Казани также и послана в столицу за подписью ахуна Галимджана Баруди (1857-1921)³². Таким

образом, у мусульман, заинтересованных в благоприятном разрешении вопроса, затеплилась надежда, что в поисках новой кандидатуры на вакантную должность муфтия, власти учтут пожелания самих верующих.

За сравнительно короткий срок – полтора месяца (12 июня – 27 июля 1915 г.), прошедших от погребения и до назначения нового муфтия, – на собраниях мусульман, в татарской прессе, а также в кабинетах Департамента духовных дел и других вовлеченных ведомств было обсуждено более двух десятков возможных кандидатур. Среди последних были глава мусульманской фракции Кутлуг-Мухаммед Тевкелев, бывшие депутаты Селим-Гирей Джантюрин, Мухаммед-Акрам Биглов, Садри Максуди, Саид-Гирей Алкин и Гайса Еникеев, полковник Рауль Сыртланов и сотрудник Азиатского департамента Генерального штаба, генерал Абдул-Азиз Давлетшин (1861-1920)³³, купец И. Акчурин, ахун Галимджан Галеев-Баруди (креатура умеренной части казанского духовенства) и богослов Муса Бигиев (представитель радикальной части интеллектуалов), казанский военный мулла Фасих Мухитдинов и др.³⁴ Из всех кандидатур самыми влиятельными и популярными среди мусульманского населения признавались С. Максуди и Г. Галеев-Баруди. Причем первый рассматривался как креатура прогрессивной светской интеллигенции, а второй – наиболее предпочтительный кандидат исламских духовных лиц. Однако оба мусульманских кандидата в глазах чиновников, с точки зрения государственных интересов, являлись крайне неподходящими и неприемлемыми.

Почти сразу же в консервативном журнале «Дин вә мәғыйшәт» (Религия и жизнь) была озвучена и фамилия столичного имама Мухаммед-Сафы Баязитова³⁵. Доводы автора заметки заслуживают внимания. Изложив два основных взгляда на предпочтительную личность будущего муфтия – безусловного знатока шарията или же человека с европейским образованием, знакомого с российским законодательством, запросами и требованиями современной жизни, – автор публикации посчитал наиболее приемлемыми кандидатуры ахуна С. Баязитова и кади Гиниятуллы Капкаева. Статья заканчивалась весьма характерным пассажем – несмотря на то, что обе кандидатуры хороши, все же обсуждение этого вопроса неуместно, так как назначение муфтия является исключительной прерогативой верховного правителя. Последняя фраза, вероятно, адресовалась чиновникам и цензорам, в надежде на благосклонное отношение власти к самому изданию.

Одновременно на кандидатуре петроградского ахуна был остановлен и взор чиновников департамента, которые имели о нем самые благоприятные сведения, прежде всего, в отношении «нравственных качеств и весьма умеренных политических взглядов»³⁶. Существенным плюсом в глазах чиновников служило университетское образование кандидата, а также то, что он несколько лет выступал консультантом ДДДИИ. В одной из записок, составленной чиновниками департамента, было сказано, что кандидатура Сафы Баязитова была намечена еще в 1912 г., когда в период обострения болезни муфтия М. Султанова в татарской прессе активизировалось обсуждение этой проблемы³⁷.

Возможно, некоторую роль сыграли и многочисленные телеграммы в поддержку кандидатуры С. Баязитова, а также благодарственные телеграммы, пришедшие уже после состоявшегося назначения³⁸. Среди первых подписавших телеграммы в поддержку Баязитова, были единомышленники и соратники по проекту «Сират аль-Мустахим» – Фатых Байрашев, Хабибулла Ялышев, а также петроградский мулла А.-Г. Ситдинов и др. Во всех телеграммах неизменным рефреном звучала мысль о желательности на должность муфтия лица одновременно с мусульманским

духовным и светским образованием – критерий, под который более всего подходил именно Сафа Баязитов. Вторая характерная деталь этих телеграмм – усиленное подчеркивание верноподданнических чувств и консервативности взглядов кандидата.

В этом отношении показательно прошение («гаризнамэ») Габдулхая Курбангалеева, бывшего кстати в очень близких и дружеских отношениях с Сафой Баязитовым³⁹. Находившийся в середине июля 1915 г. в столице челябинский имам составил на «своем родном татарском языке» докладную записку, в которой были сформулированы все аргументы консервативной и лоялистски настроенной части мусульманской уммы. Сафа Баязитов является сыном уважаемого человека; он духовное лицо со светским образованием, что позволит ему непосредственно выступать ходатаем о нуждах мусульман; кандидат готов к службе ради правительства и народа, осведомлен в современном положении дел и пр. В записке присутствовал весь стандартный набор обвинений в адрес светской интеллигенции: она увлечена левыми идеями, воспринятыми от младотурков; прогрессисты доминируют в татарской прессе, хотя не пользуются поддержкой населения, последнее по своей природе остается верным правительству и настроено консервативно. Содержание записки Г. Курбангалеева интересно, прежде всего, теми аргументами, к которым прибегали лоялисты, желавшие расположить к себе власть имущих. Большинство подобных аргументов мы встречаем и в публикациях, появлявшихся на страницах консервативного журнала «Дин вә мәғыйшәт». Авторы этих статей высказывались за выбор кандидатуры будущего муфтия исключительно из числа духовных лиц.

Мусульмане-прогрессисты действовали иными методами, часто неприемлемыми для властей: используя прессу, они пытались апеллировать к общественности, ходатайствовали о созыве съезда для избрания предпочтительных кандидатур, организовали посылку телеграмм с протестами, когда решение было уже свершившимся фактом. Центральную роль в этом движении протеста играла мусульманская фракция Государственной думы, а также влиятельные экс-депутаты, что вызывало у властей острое недовольство и опасения нарастания «общемусульманского единства». Поэтому действия прогрессистов были заведомо проигрышными. Безусловно, в этой партии победа осталась на стороне консервативной части мусульманского мира, которая, в отличие от прогрессистов, использовала риторику, понятную, близкую и приятную для глаз и ушей тех чиновников, от которых зависело окончательное решение.

Но, возможно, решающую роль сыграла не столько поддержка той или иной части мусульманской общественности, сколько личное знакомство Сафы Баязитова с министром внутренних дел и дворцовым комендантом, который выступил личным поручителем. Вероятно, именно высокое покровительство, а также опасения чрезмерной активности мусульманской общественности и татарской прессы явились катализатором ускоренного процесса принятия решения: 24 июля состоялась аудиенция на даче министра внутренних дел, а уже 27 июля кандидатура М.-С. Баязитова была утверждена императором. Такого «молниеносного» назначения не было за всю историю духовного собрания⁴⁰.

Назначение петроградского ахуна муфтием ОМДС вызвало резкие протесты мусульманской общественности, выразившиеся в большом количестве критических статей в татарской прессе и фактической обструкции нового религиозного лидера со стороны либеральной мусульманской общественности Европейской части России.

Одна из наиболее резких реплик на назначение муфтием Сафы Баязитова была опубликована 5 августа в газете «Юлдуз» (Звезда). Автор статьи «Назначение муфтия» Г.-Б. Баттал утверждал, что «сын муллы Сафа Баязитов человек бездарный, без определенного мировоззрения, мелочный, неработоспособный, известный мусульманам лишь с отрицательной стороны, запачканный организацией “Сират аль-Мустахим” и другими темными и подозрительными делами, словом обыкновенный смертный, не получивший основательного образования ни по-русски, ни по-мусульмански»⁴¹. Аналогичными были оценки личности нового муфтия, высказанные в уфимской газете «Тормыш» (Жизнь) Мусой Бигиевым («в полном смысле невежда, подлый человек, искусный доносчик назначен во главе духовенства ...»)⁴². Такие оценки встречались практически во всех татарских газетах, за исключением пары консервативных изданий, вроде журнала «Дин вә мәғыйшәт».

7 августа озабоченность выразили казанские татары, которые отправили на восемь адресатов (председателю мусульманской фракции К.-М. Тевкелеву, председателю Государственной думы М. Родзянко, депутатам И. В. Годневу, П. Н. Милюкову, И. Н. Ефремову, А. Ф. Керенскому, А. Д. Протопопову, князю С. С. Волконскому) телеграмму с протестом против данного поспешного назначения. Среди подписавших телеграмму, кроме бывших депутатов Саида-Гирея Алкина и Садри Максуди, были такие общественные деятели, как Фахрелислам Агеев, Гильмутдин Шараф, Заки Валиди, Валидхан Таначев, Гафур Кулахметов, Ибрагим Биккулов, Ахмет-Гарай Хасанов, Фуад Туктаров, Шихаб Ахмеров, Фатых Амирханов, Ахмед-Хади Максуди, Габделбари Баттал, Исмагил Амирханов, Ахмед Урманчеев и Шагид Ахмадеев⁴³. Одновременно, текст телеграммы был опубликован в татарской прессе. Авторы телеграммы выражали чувство глубокой печали и сожаления от этого поспешного решения, а также нежелания властей учитывать симпатии и мнение самих мусульман. Примечательно, что под газетной версией телеграммы появились новые имена, а сам ее текст стал гораздо более резким, нежели в оригинальном виде⁴⁴. В частности, в печатной версии татары настоятельно требовали, чтобы члены фракции употребили все свое влияние не только на смещение неугодного мусульманам назначенца, но и на внесение от имени фракции законопроекта «Об установлении выборного начала при определении муфтия»⁴⁵.

18 августа о чувстве глубокой скорби, охватившей мусульман, поведала телеграмма, посланная председателю правительства И. А. Горемыкину мусульманами г. Уфы: «Позволяя себе думать, что духовным главою может быть только лицо, пользующееся высоким нравственным авторитетом среди населения, мы считаем своим неперенным долгом почтительнейше довести до сведения Вашего Высокопревосходительства, что назначение на пост Оренбургского муфтия г. Баязитова как деятеля, лишённого всякого доверия мусульман, повергает нас в глубокую скорбь»⁴⁶. Первыми среди 116 человек, ее подписавших, значились бывшие депутаты Селим-Гирей Джантюрин, Абусугуд Ахтямов, а также адвокат Ибрагим Ахтямов, уфимские купцы С. Назиров, С. Шамгулов и др. Телеграммы-протесты поступили также от мусульман г. Иркутска (с ходатайством созвать съезд для избрания достойного кандидата), Красноярска, Петрограда (за подписью Мусы Бигиева), Самары, Челябинска и других местностей.

Примечательно, что в мусульманском отделе ДДДИИ вели скрупулезный подсчет всех телеграмм, пришедших после скандального назначения. По данным Г. Н. Тарановского, в поддержку поступило 58 телеграмм и писем, а против – всего лишь 30⁴⁷. Такое соотношение создавало ложное впечатление о примерном паритете

сил. В целом, телеграммы, пришедшие как в поддержку, так и с протестами, интересны тем, что позволяют определить возможности мобилизации, которыми обладали противоборствующие группы. Не вдаваясь в их подробный анализ, можно утверждать, что среди протестантов было гораздо больше известных общественных деятелей, людей с «именем» и авторитетом, нежели среди тех, кто выступал сторонником Сафы Баязитова.

Среди последних были член ОМДС Гиниятулла Капкаев, имамы Мухаммед-Сабир Хасанов и Мухаммед-Хади Фахрутдинов (Уфа), Хафиз Акчурин и имам-мударрис Ахмет-Гирей Ситдинов (Петроград), имам Габдулхай Курбангалеев (Челябинск), ахун Мухаметзян Гайнелысламов (Уфимская губерния), имам Мухаммед-Вали Хусаинов (Оренбург), Тимерша Соловьев и Хабиб Мусяев (Нижегородская ярмарка) и пр.⁴⁸ Примечательно, что среди пославших приветствия было довольно много казанских духовных лиц – имамы Садык Иманкулов, Исмагил Габидов, Мухаммед-Гариф Салихов, Кашафутдин Тарджеманов, Галимджан Баруди, Абдулла Усманов и ахун Хисаметдин Абдулгафаров. Из пославших такие приветственные телеграммы только единицы не побоялись выступить с публичной поддержкой кандидатуры Сафа Баязитова в прессе (например, имам Садык Иманкулов)⁴⁹. Впрочем, злые языки утверждали, что за свою публичную поддержку казанский имам получил обещание быть назначенным казыем Оренбургского духовного собрания. Для большинства посылка приветственных телеграмм была продиктована прагматичным стремлением подчеркнуть свою лояльность новому руководству ОМДС и наладить деловые отношения с вновь назначенным муфтием.

Возвращаясь к протестной кампании, следует сказать, что она не имела успеха. Безответными, по сути, остались все прошения членов Государственной думы К.-М. Тевкелева, Ибниязина Ахтямова и М.-Ю. Джафарова о встрече с министром внутренних дел, с целью каким-либо образом попытаться изменить принятое решение. Одновременно публикации в прессе с «анти-баязитовским» содержанием становились предлогом для репрессий по отношению к отдельным изданиям. Например, уфимская газета «Тормыш» была оштрафована уфимским губернатором на 1 000 рублей, что было непомерным штрафом для маломощных в целом и финансово убыточных татарских изданий⁵⁰.

Таковыми репрессивными мерами властям удалось достичь видимого успокоения мусульманской общественности, хотя отголоски этих печатных баталий длились вплоть до октября. Но это была лишь видимость успокоения. Даже если не принимать во внимание нападок прессы и публичных выступлений представителей мусульманской фракции, даже властям был очевиден избыток симптомов недовольства. Обсуждая вопрос о содержании нового муфтия (декабрь 1915 г.), чиновник ДДДИИ предложил действовать не путем внесения в Думу законопроекта об увеличении оклада муфтия (что при отрицательном отношении к личности Сафы Баязитова вызовет лишь новую волну едва-едва стихнувших протестов), а через выделение дополнительных сумм из секретных средств МВД. В Департамент полиции поступали сообщения о сходке на частной квартире студентов-мусульман, на которой обсуждался вопрос о несоответствии Сафы Баязитова должности муфтия, и даже, как будто бы, высказывались угрозы физического устранения (весна 1916 г.)⁵¹. Наконец, в июне 1916 г. глава Департамента полиции извещал ДДДИИ о принятии мер «к охране Баязитова во времени пребывания его в Петрограде»⁵². В одном из частных писем, явно не предназначенном огласке, епископ Андрей писал

директору ДДДИИ Г. Б. Петкевичу: «положение Баязитова все-таки отчаянное, и нужно иметь ему много ума и такта, чтобы удержаться» (март 1916 г.)⁵³.

Таким образом, на посту муфтия Мухаммед-Сафа Баязитов воспринимался как представитель ультраконсервативных сил, противник прогресса и реформ в мусульманской умме России. Его резко критиковали за чрезмерный лоялизм, верноподданнические настроения и отсутствие авторитета среди мусульманского населения. Последнее обстоятельство признавалось и правительственными чиновниками, отмечавшими травлю нового муфтия, развернувшуюся в мусульманской прессе. Но что раздражало более всего, так это использование т. н. «административного ресурса» вопреки доминирующим общественным настроениям.

Власти всячески стремились поддержать свою креатуру: в 1916 г. Сафа Баязитов был удостоен чина коллежского регистратора (с 23 декабря 1915 г.), а также награжден орденами Святого Станислава 3-й и 2-й степени (14 мая 1916 г.); 22 июня 1916 г. муфтий был удостоен аудиенции императора в Александровском дворце Царского села, что случалось с главами ОМДС крайне редко⁵⁴.

Впрочем, поддержка властей была ограниченной, о чем свидетельствует история со следующей инициативой муфтия. Летом 1916 г. он поднял вопрос о желательности издания при ОМДС «консервативной мусульманской газеты», выходящей тиражом 5-6 тысяч экземпляров и противостоящей вредному влиянию левой мусульманской прессы. Для этой цели М.-С. Баязитов просил у правительства финансовую поддержку – для оборудования новой современной типографии и издания религиозной литературы соответствующего содержания. Несмотря на благожелательное отношение ряда чиновников, некоторые влиятельные эксперты (прежде всего, эксперт ДДДИИ С. Рыбаков и миссионеры в лице Уфимского епископа Андрея) были категорически против такого «подарка от казны»⁵⁵. В своем отзыве, данном накануне падения самодержавия, С. Рыбаков писал: «Ассигновать из казны 28 250 рублей на оборудование типографии и 35 000 рублей на книгоиздательство при Оренбургском духовном собрании, это значило бы оказать со стороны Правительства мусульманству и татарству в России, и в такое тяжкое военное время, крупную культурную поддержку, которая была бы нежелательной для чисто русских начинаний». Отзыв заканчивался следующими словами: «Лучшим противовесом тенденциям прогрессивной мусульманской печати было бы, по моему мнению, удовлетворение справедливых нужд мусульманского населения и развитие русской культуры, высота и совершенство которой неизбежно повлекут к приобщению к ней и мусульманских масс»⁵⁶.

Не получив поддержку своим проектам, муфтий возобновил издание в Уфе официального органа духовного собрания – журнала «Мәғълумат мәхкама-и шәрғыя Оренбургыя» (Известия Оренбургского магометанского духовного собрания) (1916). На страницах журнала публиковались официальные обращения главы ОМДС к имамам и ахунам с указаниями их обязанностей, особенно в тяжелое военное время, с изложением тех проблем, увещаний и проповедей, которые им надлежало доводить до населения⁵⁷.

Недолгая деятельность М.-С. Баязитова на посту главы ОМДС (чуть более полутора лет) пришлась на военное время. И свелась она, в основном, к выполнению текущих обязанностей⁵⁸ и лоббированию нужд мусульман в сфере некоторых религиозных вопросов, которые не могли вызывать большого сопротивления и недовольства властей.

В частности, в период войны остро стоял вопрос об отсрочке от призыва. В декабре 1915 г. ученики ряда медресе из Казани, Уфы и Троицка просили муфтия С. Баязитова содействовать получению отсрочки до окончания медресе⁵⁹. Таковое ходатайство было им переадресовано в ДДДИИ. Одновременно с ходатайством об освобождении от призыва преподавателей медресе выступали и члены мусульманской фракции Государственной думы (через депутата Г. Х. Еникеева)⁶⁰. Длительная переписка между Департаментом духовных дел, военным ведомством и Министерством народного просвещения закончилась весьма примечательным заключением: ученикам и учителям исламских конфессиональных школ в принципе можно дать отсрочку через определенную процедуру, тем более что эта процедура будет способствовать установлению более действенного контроля над мусульманскими школами⁶¹.

Другая проблема заключалась в запрете ритуального убоя скота на период войны, что затрагивало мусульман в период религиозных праздников. В сентябре 1916 г. муфтий Сафа Баязитов обратился в МВД с ходатайством об изъятии из закона от 30 июня 1916 г. и о разрешении убоя животных, приносимых магометанами в жертву в честь праздника Курбан-Байрам. И вновь параллельно аналогичное прошение было подано членом мусульманской фракции Государственной думы Г. Х. Еникеевым. В итоге, ходатайства мусульман были удовлетворены, и им было разрешено временное изъятие закона в дни мусульманского праздника 26 и 27 сентября 1916 г.⁶²

Сложно сказать, смог бы Сафа Баязитов на должности главы ОМДС удержаться и может быть даже завоевать уважение, случись это назначение в мирное время и вне революционных катаклизмов, но судьба распорядилась иначе.

Революционный 1917 г. и крах карьеры М.-С. Баязитова

После Февральской революции, в новых политических реалиях были вынуждены мимикрировать многие персоны, чувствовавшие себя вполне комфортно при старом режиме. Поведение муфтия Сафы Баязитова в первые дни после революции – чрезвычайно яркий пример такой «мимикрии». Будучи чрезвычайно непопулярным среди мусульманской «прогрессивной» общественности, имевший репутацию консерватора, ретрограда и прочно ассоциировавшийся с прежней самодержавной властью, Сафа Баязитов пользовался всемерной поддержкой имперских властей, а потому был вынужден постоянно демонстрировать свою лояльность и верноподданность. Весть о Февральской революции и об отречении Николая II застала муфтия в пути. Находясь в служебной поездке по Оренбургской губернии и еще не понимая характера перемен, не зная, как правильно себя вести, муфтий тем не менее уже 8 марта посылает на имя председателя Государственной думы телеграмму, где высказывает свое краткое и весьма осторожное «почтительнейшее приветствие» новой власти.

На следующий день, 9 марта руководство ОМДС отправило по трем адресатам (председателю Исполнительному комитету Государственной думы, Председателю Совета министров и членам мусульманской фракции) приветственную телеграмму следующего содержания: «Уфа. Оренбургское магометанское собрание, приветствуя новое правительство, почтительнейше заявляет о своей полной готовности радостно послужить дорогой Родине и мусульманскому населению своего округа под руководством нового правительства. Вместе с сим, Духовное собрание циркулярно оповещает духовенство округа для объявления народу об этом с совершением

молебствия за благоверное правительство. Председатель Духовного собрания Баязитов, члены Капкаев, Мамлеев, Урманов»⁶³.

Впрочем, это поспешное выражение лояльности и преданности новой власти не помогло им сохранить духовную власть: уже через неделю по решению Уфимского комитета общественных организаций М.-С. Баязитов и казый Гиниятулла Капкаев (1856-1930) были отстранены от должностей и посажены под домашний арест. Два других казыя ОМДС – Нурмухаммед Мамлеев и Салихджан Урманов – смогли на время сохранить свои позиции. Однако они были «усилены» двумя судьями с репутацией либералов – Джигангиром Абызгильдиным (1875-1938) и Зией Камали (1873-1942). Помимо этого, была образована комиссия в количестве 16 человек, из числа религиозных и светских общественных деятелей, во главе с уфимским ахуном Хабибуллой Ахтямовым (1883-1938), которая должна была подготовить будущее преобразование ОМДС в автономный религиозный орган – духовное управление мусульман⁶⁴. Вскоре указом Временного правительства (27 апреля 1917 г.) он был уволен с должности оренбургского муфтия с компромиссной формулировкой «согласно прошению по болезни»⁶⁵.

После потери должности муфтия Сафа Баязитов попытался трудоустроиться хотя бы на место военного имама, однако духовное собрание отказалось удовлетворить его просьбу⁶⁶. Состоявшийся вскоре Первый Всероссийский мусульманский съезд (г. Москва, 1-11 мая 1917 г.) и вовсе поставил «крест» на возможности дальнейшего продолжения духовной карьеры: большинством голосов съезд лишил смещенного муфтия всех прав на руководство духовным собранием и причислил к мусульманским черносотенцам, которым было запрещено заниматься общественной деятельностью и занимать более-менее значимые посты⁶⁷. Примечательно, что последнее решение было инициировано большой группой делегатов московского съезда (около ста человек), составивших протест против «мусульманских черносотенцев», успевших заработать репутацию агентов охранки и провокаторов. Далеко не всегда эти обвинения имели реальное основание, также как далеко не все реальные провокаторы и внештатные агенты охранного отделения Департамента полиции были упомянуты в этом списке⁶⁸, его появление было весьма симптоматичным. Наряду со всеобщим подъемом и воодушевлением, весной 1917 г. российское общество было охвачено поиском врагов, виновных во всех бедах. Этих настроений не избежало и мусульманское сообщество.

Поэтому не удивительно, что на протяжении 1917 г. все попытки М.-С. Баязитова устроиться на какую-либо, пусть самую скромную и незначительную, должность вызывали открытое и массовое сопротивление мусульманской общественности. В частности, попытка сотрудника ДДДИИ Г. Н. Тарановского по старой памяти посодействовать назначению бывшего муфтия на должность младшего (внештатного) помощника военного ахуна г. Петрограда вызвала очередной шквал ожесточенных протестов. Причем гнев мусульман пал не только на самого опального муфтия, но и на сотрудников министерства С. А. Котляревского и Г. Н. Тарановского. Последний был заклеен «реакционером», с которым надлежало «немедленно разобраться» (из протеста уфимских мусульман, подписанного Закиром Кадыри). С. А. Котляревскому стоило больших усилий защитить своего сотрудника от нападков и успокоить мусульманскую общественность⁶⁹.

Очевидно, такая позиция нетерпимости к «поверженному врагу» едва ли способна вызвать симпатии, однако подобная реакция мусульманской общественности имела характер «распрявившейся пружины»: чем упорнее прежние

власти пытались игнорировать общественное мнение и навязать свою кандидатуру всеми средствами, тем сильнее было ответное желание взять реванш. Поиск и разоблачение прежних «агентов охраны» также отражали отношение общества (естественно, политизированной его части) к представителям прежнего, столь ненавистного режима. И чем сильнее поверженный ассоциировался с этим режимом, чем активнее и демонстративнее он использовал близость к власти и административный ресурс, тем сильнее было неприятие его в общественном дискурсе 1917 г.

Только в 1918 г. страсти немного улеглись, и М.-С. Баязитов смог на некоторое время устроиться помощником имама во 2-й мечети в Петрограде. Впрочем, очередная революция не только сменила власть, но и привела к власти силы, отличавшиеся еще большей нетерпимостью к своим идейным оппонентам. Помимо этого, новые власти ухитрились довести экономическую ситуацию в стране до такой бездны, что к концу Гражданской войны в процветающей столице осталась лишь треть жителей от дореволюционного уровня. Многие были вынуждены покинуть разоренный город, спасаясь как от преследований, так и от голодной смерти. Возможно, этим объясняется тот факт, что на некоторое время Сафа Баязитов переехал в Казань (1919-1921 гг.). Впрочем, уже в 1921-1922 гг. он возвращается в родной город. В 1918-1932 гг. Сафа Баязитов проживал преимущественно в собственном доме в Новой Деревне Ленинградской области (не считая короткого казанского периода), выполняя обязанности неофициального муллы.

Сафа Баязитов – жертва Советской власти

Как справедливо заметил Р. И. Беккин, если Февральская революция поставила крест на довольно успешной карьере М.-С. Бязитова, то после установления советской власти его жизнь превратилась в постоянную борьбу за выживание⁷⁰. Если в годы Гражданской войны требовалось искать элементарное пропитание, то после начала антирелигиозной кампании начала 1930-х гг., закрытия мечетей и практически тотального ареста священнослужителей речь шла о физическом выживании.

В 1920-х гг. М.-С. Бязитов в основном коротал время и зарабатывал на жизнь, выполняя обязанности имама общины касимовских татар. Очевидно, в короткий период НЭПа и оживления мелкого бизнеса касимовские татары, в подавляющей массе занимавшиеся торговлей или ресторанным бизнесом, смогли немного поправить свое пошатнувшееся материальное положение, что благоприятно сказывалось и на положении служителей культа, включая и тех, что исполняли религиозные обряды неофициально. Вплоть до конца 1920-х гг. духовный статус М.-С. Бязитова оставался неопределенным, что вынуждало его состоять на службе в разных советских учреждениях, благо незаконченное высшее образование обеспечивало достойный уровень грамотности. Но все же основные его интересы оставались в религиозной сфере. В январе 1930 г. Сафа Баязитов, по решению приходского совета, был официально зачислен в штат ленинградской мечети, оставаясь в должности имама до своего первого ареста весной 1932 г.

Примечательно, что первая волна репрессий против ленинградской религиозной общины прошла еще в 1931 г., вероятно, в связи с бегством из России Мусы Бигиева, поскольку репрессиям подверглись многие близкие к нему люди. В 1931 г. в ведущем татарском журнале «Яңа милли юл» (Новый национальный путь), представлявшем эмигрантскую прессу и издававшимся в Берлине, появилось сообщение о высылке из Ленинграда почти всех имамов (включая имамов Якуба

Халикова и Камала Басырова⁷¹), за исключением Сафы Баязитова. Автор заметки делает предположение, что эта «неприкосновенность» имама Сафы может быть объяснена его сотрудничеством с ГПУ – так же, как в свое время назначение муфтием объяснялось работой на охранку⁷². Судя по тому, что рядом с этой заметкой была помещена информация о приезде в Берлин Мусы Бигиева, бежавшего из Советской России, именно последний мог быть источником этих сведений. Как бы то ни было, очевидно, что у Сафы Баязитова была репутация человека, сотрудничавшего в свое время с царской охранкой, а ныне не гнушающегося иметь дело с такой «непотребной организацией», как ОГПУ. Даже если соответствующие слухи и подозрения, ходившие в среде ленинградских татар и доходившие эхом до далекой эмиграции, имели под собой реальные основания (возможно, сам М.-С. Баязитов, желая придать себе большую значимость и влияние, допускал в разговорах недвусмысленные намеки, а потому вольно или невольно подогревал такие слухи⁷³), для самих чекистов это не имело особого значения.

Первый арест самого Мухаммеда-Сафы Баязитова последовал 17 мая 1932 г. Он был обвинен в контрреволюционной деятельности в составе группы имамов. Всего по делу № 1296-32 «По обвинению контрреволюционной группировки, возглавляемой муллами Юнусовым Ф., Адикаевым А., Баязитовым С.» проходило 27 человек, среди которых служителями культа были девять человек⁷⁴. Согласно следственному делу 1932 г., основные обвинения выстраивались вокруг его контрреволюционной деятельности в дореволюционное время, заключавшейся в сотрудничестве с охранкой, исполнении обязанностей муфтия и инициировании реакционного мусульманского союза.

Впрочем, сам обвиняемый признал лишь взаимодействие с Департаментом духовных дел по профессиональным вопросам, отрицая все обвинения в сотрудничестве с охранкой. Очевидно, что обвинения, включая и сотрудничество с охранкой, строились на косвенных уликах, показаниях других арестованных и никакой серьезной документальной основы не имели. Впрочем, это совсем не смущало чекистов: менее чем через месяц после ареста, 19 июня 1932 г. Сафа Баязитов был осужден выездной сессией коллегии ОГПУ по ст. 58-10-13 УК РСФСР на пять лет исправительно-трудовых лагерей, которые должен был отбывать в Темниковском ИТА⁷⁵.

Очевидно, что 1932 г. был далек от периода кровавых репрессий, а потому срок заключения оказался относительно недолгим, с возможностью досрочного освобождения, что и произошло 1 июля 1936 г. После освобождения Сафа Баязитов короткое время успел пожить в Казани, сначала в центре города (Малая Галактионовская ул., д. 14, кв. 1), затем в Кызыл-Армейской слободе (ныне – Адмиралтейская слобода г. Казани; Большая улица, д. 65, кв. 1). В Казани он поступил слушателем курсов счетоводов в Союз оргучета и, по некоторым данным, от случая к случаю нелегально исполнял обязанности имама. Но свобода и на этот раз была недолгой: 6 декабря 1937 г. М.-С. Баязитов был арестован повторно и обвинен по ст. 58-10 УК РСФСР. Во второй половине 1930-х гг. ситуация изменится кардинально. На этот раз следствие было еще более скоротечным, и уже 21 декабря он был осужден тройкой НКВД ТАССР к высшей мере наказания с конфискацией имущества. 26 декабря того же года Сафа Баязитов был расстрелян в Казани, реабилитирован посмертно в 1991 г.⁷⁶ Таков печальный итог в целом весьма трагичной жизни М.-С. Баязитова.

В биографии Мухаммеда-Сафы Баязитова можно выделить несколько этапов, в которых как в капле воды отражена эпоха. По сути, мы видим нерядовую судьбу довольно заурядного человека. Период до 1905-1906 гг., связанный с учебой и взрослением, документально зафиксирован слабо, а потому известен хуже всего. Следующий важный этап – 1906-1911 гг. – это время, когда молодой Мухаммед-Сафа находился в тени своего отца, столичного ахуна Атауллы Баязитова, помогая ему в религиозных и издательских делах. Хотя в период первой русской революции общественная жизнь татар-мусульман активизируется необычайно (не случайно это время часто называют эпохой тюрко-татарского ренессанса), Сафа Баязитов практически ни в чем себя не проявил, не заработав ни общественного, ни профессионального признания.

На 1911-1916 гг. приходится взлет его персональной карьеры – это период наибольшей публичной активности и бюрократического роста, заключавшихся в инициировании создания мусульманской консервативной партии и назначении на должность муфтия ОМДС. И здесь мы можем отметить, что все его действия были связаны с традиционным для бюрократической России использованием личных связей и административного ресурса. Но поскольку они не были подкреплены ни личными качествами и талантами, ни общественным признанием, за стремительным взлетом неизбежным стало и падение. По прихоти судьбы, не совсем заслуженно, он оказался на своеобразной вершине мусульманского сообщества предреволюционной России, однако с неизбежностью был с нее низвергнут, как только изменилась политическая конъюнктура. Таким образом, переломные 1917-1918 гг. стали временем личного краха и падения с «общественного олимпа».

Наконец, на заключительном этапе, в советский период его жизни (1920-1930-е гг.), Сафа Баязитов оказался в положении «лишенца», стремящегося элементарно выжить физически и устроиться социально в условиях ужесточения антирелигиозных кампаний и репрессий со стороны тоталитарного государства. Вероятно, этим объясняются попытки приспособиться к новой политической реальности (включая возможное сотрудничество с органами ОГПУ, намеки на их покровительство и пр.), что, впрочем, оказалось совершенно бесполезно в тоталитарной Советской России 1930-х гг.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Хабутдинов А. Ю. История Оренбургского магометанского духовного собрания (1788-1917): институты, идеи, люди. – Нижний Новгород: Махинур, 2006.
2. Мухаметшин Р. Г. Татарский традиционализм: особенности и формы проявления. – Казань, 2005. – 164 с. «Ишми ишан» или Ишмухаммет Динмухаметов (1849-1919) – имам-хатып и мударрис д. Тунтяр Вятской губернии, автор многочисленных сочинений по мусульманскому богословию, включающих критику джадидизма и нового метода, один из главных идеологов и символов татарского кадимизма.
3. Следственное дело 1932 г. отчасти включено в научный оборот как дело «ленинградских мулл», благодаря исследованиям Р. И. Беккина (см.: Беккин Р. И. «Рабочие мне угрожали убийством за назначение Баязитова...»: М.-С. Баязитов и дело ленинградских мулл 1932 года // Новейшая история России. – 2019. – Т. 9. – № 4. – С. 1058-1072).
4. Мухаммед-Сафа Баязитов // Татарская энциклопедия. – Казань, 2002. – Т. 1. – С. 332; Усманова Д. М. Баязитов Мухаммед-Сафа Атауллович // Ислам в Санкт-Петербурге: Энциклопедический словарь. – М.: «Медина», 2009. – С. 35-36; Усманова Д. М. Баязи-

- тов М.-С. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века. Энциклопедия / Отв. ред. В. В. Шелохаев, отв. секретарь А. В. Репников. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 52; Беккин Р. И. Баязитов Мухаммед-Сафа // Ислам на территории бывшей Российской империи: энциклопедический словарь / Сост. и отв. ред. С. М. Прозоров. – Т. II. – М.: Наука-Восточная литература, 2018. – С. 86-88.
5. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.), ф. 14, оп. 3, д. 40531, л. 10, 11.
 6. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 821, оп. 133, д. 608, л. 1-3.
 7. ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 3, д. 40531, л. 27.
 8. Беккин Р. И., Тагирджанова А. Н. Мусульманский Петербург. Исторический путеводитель. Жизнь мусульман в городе на Неве и в его окрестностях. – М.-СПб.: Институт Африки РАН, 2016. – С. 144-145.
 9. РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 608.
 10. Там же, д. 606, л. 43 об.
 11. Габдулла Тукай. Әсәрләр. Биш томда. 5-нче том: Истәлекләр, юльязмалар, хатлар, мәсәлләр һәм балалар өчен хикаяләр (1902-1913). – Казан, 1986. – С. 61-62. По свидетельствам друга Габдуллы Тукая, Кабира Бакирова, Сафа Баязитов проявил истинное гостеприимство к молодому поэту, окружив его заботой и вниманием (см.: Бәкер Кәбир, Тукай Петербургта. – Оренбург, 1914. Новейшее переиздание данных воспоминаний см.: Тукай – ядкярләрдә. 1 том: истәлекләр, мәкаләләр, тәгъзияләр, телеграммалар. – Казан, 2015. – С. 632-662).
 12. См.: Весь Петербург на 1910 год: адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга. – СПб.: издание А. С. Суворина, 1910. – С. 54. С 1923 г. и по настоящее время 6-я Советская улица г. Санкт-Петербурга.
 13. Бәкер Кәбир. Тукай Петербургта // Тукай – ядкярләрдә. 1 том: истәлекләр, мәкаләләр, тәгъзияләр, телеграммалар. – Казан, 2015. – 658 б.
 14. Новая Деревня – исторический район Санкт-Петербурга на правом берегу Большой Невки, напротив Каменного острова (Приморский район). В Новой Деревне, близ Новодеревенской набережной, находился вокзал Приморско-Сестрорецкой железной дороги (в настоящее время на Сестрорецком направлении Октябрьской железной дороги имеется небольшая станция Новая Деревня). В ходе административной реформы 1917 г. район был включен в состав Петрограда. Вокзал был демонтирован в 1925 г.
 15. Адрес: Петроградский уезд, деревня Новая, ул. Сабировская, д. 42 (см.: РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 608, л. 9).
 16. Загидуллин И. К. Мусульманская община в Санкт-Петербурге. – Казань, 2003. – С. 137.
 17. Государственная Дума. Справочник. Выпуск 1. III созыв. II сессия. – СПб., 1909. – С. 160; Выпуск 6. IV созыв. I сессия. – СПб., 1913. – С. 290. Подробнее о функционировании парламентской мусульманской прессы см.: Усманова Д. М. Мусульманские представители в Российском парламенте. – Казань, 2005. – С. 458-476.
 18. По воспоминаниям Г. Тукая, весной 1912 г. в редакции газеты «Нур» трудились такие известные журналисты, как Кабир Бакиров, Карим Сагитов, Шакир Мухамедьяров и др. (см.: Габдулла Тукай. Әсәрләр. Биш томда. 5-нче том: Истәлекләр, юльязмалар, хатлар, мәсәлләр һәм балалар өчен хикаяләр (1902-1913). – Казан, 1986. – С. 59-60).
 19. Некоторые примеры такого противостояния между Мусой Бигиевым и Сафой Баязитовым приведены в воспоминаниях о посещении столицы Г. Тукаем (см.: Бәкер Кәбир. Тукай Петербургта // Тукай – ядкярләрдә. 1 том: истәлекләр, мәкаләләр, тәгъзияләр, телеграммалар. – Казан, 2015. – С. 632-662).

20. РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 606, л. 27.
21. Одна из немногочисленных статей, появившихся в новейшее время, освещает процесс образование партии «Сират аль-Мустахим» как продукта либерально-консервативной мусульманской мысли (см.: *Исхаков С. М. Мусульманский либеральный консерватизм в России в начале XX века // Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – М., 2001. – С. 362-370; Фахрутдинов Р. Р. Сират ал-Мустахим // Ислам на европейском Востоке: Энциклопедический словарь. – Казань, 2004. – С. 292; Усманова Д. М. Мусульманские представители в Российском парламенте. – Казань, 2005. – С. 497-506; Усманова Д. М. Всероссийский мусульманский народный союз «Сират аль-Мустахим» // Ислам в Санкт-Петербурге: энциклопедический словарь. – М.: «Медина», 2009. – С. 56-57.*
22. РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 474, л. 251-383 об.
23. *Беккин Р. И. Переписка Б. В. Никольского с лидерами партии «Сират аль-Мустахим» // Восточный архив. – 2019. – № 2 (40). – С. 33-44.*
24. Устав ВМНС «Прямой путь» с пометками ДДДИИ (см.: РГИА, ф. 821, оп. 150, д. 419, л. 1-10 об.).
25. РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 474, л. 309-311.
26. Там же, л. 331-333 об.
27. Ил. – 1914. – 5 февраля. – № 15; Вакыт. – 1914. – 14 февраля. – № 1414 и др.
28. *Усманова Д. Российские мусульмане и пропаганда в годы Первой мировой войны (1914-1916 гг.) // Acta Slavica Iaponica. – Том 37 (2016). – Р. 73-101.*
29. РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 603, л. 3-7.
30. *Усманова Д. М. Мусульманские представители в Российском парламенте. – Казань, 2005. – С. 397-406; Тагирджанова А. Н. Как Министерство внутренних дел назначило Оренбургского муфтия в 1915 г. // Клио. – 2007. – № 4 (39). – С. 32-36.*
31. РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 606, л. 3, 4, 5.
32. Там же, л. 3, 4, 5, 52, 58. Текст телеграммы был опубликован также в газете Камско-Волжская речь (1915, 16 июля, № 156).
33. Впрочем, его кандидатура была отвергнута почти сразу же, поскольку он был женат на христианке.
34. РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 606, л. 20-21 об., 30-32, 48.
35. В июльских, августовских и сентябрьских номерах журнала «Дин вә мәгыйшәт» была опубликована целая серия статей с обсуждением личности и качественных характеристик будущего муфтия (см.: *Габделгафуров Хисаметдин. Мөфтилек хакында // Дин вә мәгыйшәт. – 1915. – № 28. – 18 июль. – Б. 442-444; Булачак мөфтий кем булырга тиешле? // Дин вә мәгыйшәт. – 1915. – № 28. – 18 июль. – Б. 444-445; Могазый Габдулла. Мөфтилек хакында // Дин вә мәгыйшәт. – 1915. – № 29. – 25 июль. – 461 б.; Мөфтилек хакында // Дин вә мәгыйшәт. – 1915. – № 30. – 30 июль. – Б. 474-477; Мөфтилек уенчык түгел // Дин вә мәгыйшәт. – 1915. – № 32. – 21 август. – Б. 508-509.*
36. РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 606, л. 38-44 об.
37. Там же, л. 154.
38. Там же, л. 67-68, 83-138.
39. Там же, л. 62-65 об.
40. Об обстоятельствах назначения муфтиев в XIX столетии подробнее (см.: *Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII-XIX вв. – Уфа, 1999. – С. 69-70).*
41. Юлдуз. – 1915. – 5 августа. – № 1484.

42. Тагирджанова А. Н. Книга о Мусе эфенди, его времени и современниках: сборник историко-биографических материалов. – Казань, 2010. – С. 455.
43. РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 606, л. 197-198.
44. Кояш. – 1915. – 13 августа.
45. Тормыш. – 1915. – 29 июля. – № 291; 4 августа. – № 293; 5 августа. – № 294; 6 августа. – № 295; Кояш. – 1915. – 13 августа. – № 722; Дин вә мәгыйшәт. – 1915. – 21 августа. – № 432; Юлдуз. – 1915. – 11 сентября. – № 1509.
46. РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 606, л. 206-209.
47. Там же, д. 608, л. 43-44.
48. Там же, л. 51.
49. Имәнколы Садык. Мөфтилек мәсҗәләсе хакында // Дин вә мәгыйшәт. – 1915. – № 29. – 25 июль. – Б. 461-464; Сәгыйдов М.-З. Мөфтий руханидан улганга шатланабыз // Дин вә мәгыйшәт. – 1915. – № 38. – 2 октября. – Б. 599-600.
50. РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 608, л. 50; д. 606, л. 259.
51. Там же, д. 608, л. 107.
52. Там же, л. 108.
53. Там же, оп. 150, д. 481, л. 27-27 об.
54. Там же, оп. 133, д. 608, л. 1-3, 124.
55. Там же, д. 449, л. 476-485, 487-489.
56. Там же, л. 481, 485.
57. Мәгълүмат. – 1916. – № 1. – С. 8-11; № 7-8. – С. 1-3.
58. О результатах служебной поездки муфтия в Петроград в октябре 1915 г. (см.: Уфа хәбәрләре // Дин вә мәгыйшәт. – 1915. – № 46. – С. 720-721).
59. РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 543, л. 206.
60. Там же, л. 288, 293-293 об, 297.
61. Ответ директора ДДДИИ Н. П. Харламова (см. РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 543, л. 294-295, 298-299, 316-317).
62. РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 482, л. 173-176.
63. Там же, ф. 1278, оп. 5, д. 1338, л. 29.
64. Подробнее о событиях 1917 г. (см. Усманова Д. М. Трансформация исламских институтов в революционной России: Оренбургское магометанское духовное собрания и мусульманское духовенство Волго-Уральского региона в 1917 – начале 1918 гг. // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. – 2019. – № 1-2 (№ 37). – С. 434-462).
65. Исхаков С. М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 – лето 1918 гг.). – М., 2004. – С. 137.
66. Олут Туркестан. – 1917. – 30 апреля. – № 2.
67. Бөтен Русия мөселманларның 1917-нче елда 1-11 майда Мәскәүдә булган гомуми съездың протоколары. – Пг, 1917. – С. 455-457.
68. Истории наиболее известных татарских провокаторов была изложена «по горячим следам» в книге: Мансуров Г. Татар провокаторлары. – М., 1927. – 76 с.
69. РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 608, л. 171-207.
70. Беккин Р. И. «Рабочие мне угрожали убийством за назначение Баязитова...»: М.-С. Баязитов и дело ленинградских мулл 1932 года // Новейшая история России. – 2019. – Т. 9. – № 4. – С. 1066.
71. По данным, Р. И. Беккина, Я. Халеков был отправлен на строительство Беломорско-Балтийского канала, К. Басыров – на Соловки (см.: Беккин Р. И. «Рабочие мне угрожали убийством за назначение Баязитова...»: М.-С. Баязитов и дело ленинградских мулл

1932 года // Новейшая история России. – 2019. – Т. 9. – № 4. – С. 1069). Примечательно, что репрессии в отношении этих двух имамов никак не отражены в довольно полной базе данных «Мемориала».

72. Сөргенгэ жибәрелгән муллалар // Яңа милли юл. – 1931. – № 12. – С. 17-18.

73. Беккин Р. И. «Рабочие мне угрожали убийством за назначение Баязитова...»: М.-С. Баязитов и дело ленинградских мулл 1932 года // Новейшая история России. – 2019. – Т. 9. – № 4. – С. 1066-1067.

74. Беккин Р. И. «Рабочие мне угрожали убийством за назначение Баязитова...»: М.-С. Баязитов и дело ленинградских мулл 1932 года // Новейшая история России. – 2019. – Т. 9. – № 4. – С. 1058-1072. Впрочем, тот же Абдулла Адикаев (1872-?) на момент ареста официально числился такелажником на фабрике «Красный Водник» (см.: Электронный ресурс. Режим доступа: <https://base.memo.ru/person/show/2931327>).

75. Ленинградский мартиролог, 1937-1938 гг.: Книга Памяти жертв политических репрессий. – СПб., 2007. – Т. 6 (см.: Электронный ресурс. Режим доступа: <https://base.memo.ru/person/show/2731685>; <https://base.memo.ru/person/show/2932020>).

76. Книга Памяти жертв политических репрессий Республики Татарстан / Гл. ред. А. А. Иванов. – Казань, 2001. – Т. 2: «Б»; Электронный ресурс. Режим доступа: <https://base.memo.ru/person/show/496085>.

Список литературы

Беккин Р. И. «Рабочие мне угрожали убийством за назначение Баязитова...»: М.-С. Баязитов и дело ленинградских мулл 1932 года // Новейшая история России. – 2019. – Т. 9. – № 4. – С. 1058-1072.

Беккин Р. И. Баязитов Мухаммед-Сафа // Ислам на территории бывшей Российской империи: энциклопедический словарь / Сост. и отв. ред. С. М. Прозоров. – Т. II. – М.: Наука-Восточная литература. 2018. – С. 86-88.

Беккин Р. И., Тагирджанова А. Н. Мусульманский Петербург. Исторический путеводитель. Жизнь мусульман в городе на Неве и в его окрестностях. – М.-СПб.: Институт Африки РАН, 2016. – 640 с.

Бәкер Кәбир. Тукай Петербургта // Тукай – ядкярләрдә. 1 том: истәлекләр, мәкаләләр, тәғзияләр, телеграммалар. – Казан: Жыен, 2015. – Б. 632-662.

Бөтен Русия мөселманларның 1917-нче елда 1-11 майда Мәскәүдә булган гомуми съездының протоколлары. – Пг., 1917. – 475 б.

Загидуллин И. К. Исламские институты в Российской империи: Мусульманская община в Санкт-Петербурге. XVII – начало XX вв. – Казань: Изд-во Казанского университета. 2003. – 179 с.

Исхаков С. М. Мусульманский либеральный консерватизм в России в начале XX века // Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – М., 2001. – С. 362-370.

Исхаков С. М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 – лето 1918 гг.). – М., 2004. – 592 с.

Тагирджанова А. Н. Как Министерство внутренних дел назначило оренбургского муфтия в 1915 г. // Клио. – 2007. – № 4 (39). – С. 32-36.

Усманова Д. М. Всероссийский мусульманский народный союз «Сират аль-Мустахим» // Ислам в Санкт-Петербурге: энциклопедический словарь. – М.: «Медина», 2009. – С. 56-57.

Усманова Д. М. Трансформация исламских институтов в революционной России: Оренбургское магометанское духовное собрание и мусульманское духовенство Волго-Уральского региона в 1917 – начале 1918 гг. // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. – 2019. – № 1-2 (№ 37). – С. 434-462.

Усманова Д. М. Баязитов Мухаммед-Сафа Атауллович // Ислам в Санкт-Петербурге: Энциклопедический словарь. – М.: «Медина», 2009. – С. 35-36.

Усманова Д. М. Мусульманские представители в Российском парламенте. – Казань: Фэн АН РТ, 2005. – 584 с.

Хабутдинов А. Ю. История Оренбургского магометанского духовного собрания (1788-1917): институты, идеи, люди. – Нижний Новгород: Махинур, 2006. – 208 с.

References

Baker Kabir. *Tukay Peterburgta*. IN: *Tukay – yadkyarlerde. 1 tom: istelekler, mekaleler, tegziyaler, telegrammalar* [Tukay in Petersburg. IN: Tukay in written monuments. Vol. 1: reminiscences, articles, guidance, telegrams]. Kazan, Jyyen publ., 2015, pp. 632-662.

Bekkin R. I. "Rabochiye mne ugrozhali ubiystvom za naznachenie Bayazitova..." : M.-S. Bayazitov i delo leningradskih mull 1932 goda. IN: *Noveyshaya istoriya Rossii* ["Workers were threatening me of killing for Bayazitov's appointment ... : M.-S. Bayazitov and the 1932 case of Leningrad mullahs"], 2019, vol. 9, no. 4, pp. 1058-1072.

Bekkin R. I. *Bayazitov Mukhammed-Safa* [Bayazitov Mukammed-Safa]. IN: *Islam na territorii byvshey Rossiyskoy imperii: entsiklopedicheskiy slovar. Sost. i otv. red. S. M. Prozorov. T. II* [Islam in the territory of the former Russian Empire: encyclopedic dictionary. Comp., ed. S. M. Prozorov. Vol. II]. Moscow, Nauka-Vostochnaya literatura publ., 2018, pp. 86-88.

Bekkin R. I., Tagirdzhanova A. N. *Musulmanskiy Peterburg. Istoricheskiy putevoditel. Zhizn musulman v gorode na Neve i v ego okrestnostyah* [Petersburg, a historical guide. Life of Muslims in the city on the Neva river and its neighborhood]. Moscow-Saint Petersburg, Institut Afriki RAN publ., 2016, 640 p.

Beten Rusiya moselmanlarnyn 1917-nche elda 1-11 mayda Maskayda bulgan gomumi syezdny protokollary [Reports of the General Congress of Russia's Muslims on May 1-11, 1917]. Petrograd 1917, 475 p.

Iskhakov S. M. *Musulmanskiy liberalniy konservatizm v Rossii v nachale XX veka* [The Muslim liberal conservatism in Russia in the early 20th century]. IN: *Liberalnyy konservatizm: istoriya i sovremennost. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Liberal conservatism: history and modernity. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Moscow, 2001, pp. 362-370.

Iskhakov S. M. *Rossiyskiye musulmane i revolyutsiya (vesna 1917 – leto 1918 gg.)* [Russian Muslims and the revolution (spring of 1917 – summer of 1918)]. Москва, 592 p.

Khabutdinov A. Yu. *Istoriya Orenburgskogo magometanskogo dukhovnogo sobraniya (1788-1917): instituty, idei, lyudi* [History of the Orenburg Musling Spiritual Assembly (1788-1917): institutions, ideas, peesons]. Nizhniy Novgorod, Makhinur publ., 2006, 208 p.

Tagirdzhanova A. N. *Kak Ministerstvo vnutrennikh del naznachilo Orenburgskogo muftiya v 1915 g.* [Appointment of the Orenburg Mufti by the Ministry of Internal Affairs in 1915]. IN: *Klio*, 2007, no. 4 (39), pp. 32-36.

Usmanova D. M. *Bayazitov Mukhammed-Safa Ataullovich* [Bayazitov Mukhammed-Safa Ataullovich]. IN: *Islam v Sankt-Peterburge: Entsiklopedicheskiy slovar* [Islam in Saint Petersburg: Encyclopedic dictionary]. Москва, "Medina" publ., 2009, pp. 35-36.

Usmanova D. M. *Musulmanskiye predstaviteli v Rossiyskom parlamente* [Muslim representatives in Russian parliament]. Kazan, Fen AN RT publ., 2005, 584 p.

Usmanova D. M. *Transformatsiya islamskih institutov v revolyutsionnoy Rossii: Orenburgskoye magometanskoye duhovnoye sobraniye i musulmanskoye duhovenstvo Volgo-Uralskogo regiona v 1917 – nachale 1918 gg.* [Transformation of Muslim institutions in revolutionary Russia: the Orenburg Muslim Spiritual Assembly and Muslim clergy of the Volga-Ural region in 1917 – early 1918]. IN: *Gosudarstvo, religiya i tserkov v Rossii i za rubezhom* [State, religion and church in Russia and abroad], 2019, no. 1-2 (37), pp. 434-462.

Usmanova D. M. *Vserossiyskiy musulmanskiy narodnyy soyuz “Sirat al-Mustaqim”* [The All-Russian Muslim Commission “Sirat al-Mustaqim”]. IN: *Islam v Sankt-Peterburge: entsiklopedicheskiy slovar* [Islam in Saint Petersburg: encyclopedic dictionary]. Москва, “Medina” publ., 2009, pp. 56-57.

Zagidullin I. K. *Islamskiye instituty v Rossiyskoy imperii: Musulmanskaya obshchina v Sankt-Peterburge. XVII – nachalo XX vv.* [Muslim institutions in the Russian Empire: the Muslim community in Saint Petersburg. 17th – early 20th century]. Kazan, Izd-vo Kazanskogo universiteta publ., 2003, 179 p.

Фото предоставлены автором статьи.

The photos are submitted by the author of the article.

Сведения об авторе

Усманова Диляра Миркасымовна, доктор исторических наук, профессор Казанского федерального университета, e-mail: dusmanova2000@mail.ru

About the author

Dilyara M. Usmanova, Doctor of Historical Sciences, Professor at Kazan Federal University, e-mail: dusmanova2000@mail.ru

В редакцию статья поступила 03.09.2020, опубликована:

Усманова Д. М. Последний муфтий Российской империи Сафа Баязитов // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2020. – № 4. – С. 105-130.

Submitted on 03.09.2020, published:

Usmanova D. M. *Posledniy muftiy Rossiiskoy imperii Safa Bayazitov* [Safa Bayazitov, the last Mufti of the Russian Empire]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov*, 2020, no. 4, pp. 105-130.